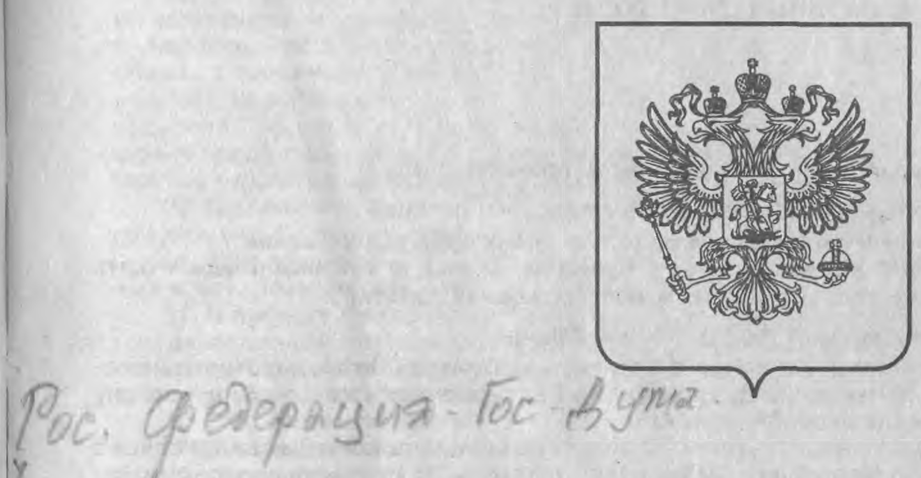
Федеральное Собрание Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Стенограмма заседаний

Бюллетень N 47 (495)

4 октября 2000 года

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ности работников службы занятости. Предполагается перераспределение и изменение статуса этих сотрудников. Поэтому мы считаем, что служба занятости будет продолжать работать, и наша задача — просто сделать эту работу эффективной.

Что касается помещений, о которых сейчас идет речь, то это федеральная собственность. Поэтому сейчас готовятся все нормативные документы, которые необходимо будет принять и Правительству, и в виде законов. Мы сейчас готовим такие поправки в закон о занятости и в соответствующие законы, которыми будет закреплен порядок управления этой собственностью и передачи и реорганизации службы занятости.

Председательствующий. Спасибо.

Уважаемые депутаты...

Москвина М. В. Мы, безусловно, готовы дать справку, но это возможно сделать только тогда, когда будут приняты соответствующие законы, потому что...

Председательствующий. Спасибо.

Депутат Пашуто предложил закончить прения по данному законопроекту.

Кто за то, чтобы прекратить прения по данному законопроекту? Я прошу проголосовать.

Покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 34 мин. 14 сек.)

Проголосовало за	274 чел.	99,6%
Проголосовало против	0 чел.	0,0%
Воздержалось	1 чел.	0,4%
Голосовало	275 чел.	
Не голосовало	0 чел.	

Результат: принято

Прения прекращаются.

Уважаемые депутаты, на голосование ставится проект федерального закона "Об исполнении бюджета Государственного фонда занятости населения Российской Федерации за 1999 год", принятие его в первом чтении.

Кто за данный законопроект? Прошу голосовать.

Включите систему электронного голосования. Покажите результаты.

Результаты голосования (13 час. 34 мин. 56 сек.)

Проголосовало за	342 чел.	76,0%
Проголосовало против	0 чел.	0,0%
Воздержалось	3 чел.	0,7%
Голосовало	345 чел.	
Не голосовало	105 чел.	

Результат: принято

Законопроект принимается.

Уважаемые депутаты, в соответствии с Регламентом мы с вами можем сейчас принять законопроект в третьем чтении.

Пожалуйста, Котенков Александр Алексеевич.

Котенков А. А. Уважаемая Любовь Константиновна, уважаемые депутаты Государственной Думы! К сожалению, мы не можем с этим согласиться. У нас есть огромное число замечаний по этому законопроекту. Но я не стал уже вносить как бы конфликтную струю в обсуждение. Вообще, вывод такой, что закон не следовало бы принимать в данной редакции. Тем не менее мы передали Правительству наши замечания с тем, чтобы они постарались максимум из них учесть ко второму чтению.

Поэтому если сейчас законопроект будет принят в третьем чтении, его ждет однозначно отклонение Президентом, и я советовал бы этого не делать.

Председательствующий. Но тем не менее предложение депутата Пашуто было, и я ставлю...

Пожалуйста, Владимир Ростиславович.

Включите микрофон депутату Пашуто.

Пашуто В. Р. Если Александр Алексеевич в данном случае так настаивает, мы не будем возражать против того, чтобы доработать во втором чтении. Но до сих пор от Администрации Президента и от его представителя не было никаких предложений и к первому чтению. Поэтому я бы хотел еще раз обратить на это внимание. И мы надеемся на плодотворное сотрудничество.

Попрошу по пункту 8 вернуться к голосованию в третьем чтении.

Председательствующий. Спасибо.

Значит, данный законопроект с голосования в третьем чтении мы снимаем.

Пожалуйста, Локтионов Николай Игоревич.

Локтионов Н. И. Уважаемый председательствующий и уважаемые коллеги! Мы сами себе зачастую создаем трудности в принятии законопроектов. Прошел один законопроект в третьем чтении — давайте и другие проталкивать в третьем чтении. Коллеги, надо остановиться и исходить из закона, а не из каких-либо потребностей какого-либо депутата, как бы мы ни уважали друг друга. Мы, кстати, уважать друг друга обязаны. Поэтому давайте все делать по закону. Приняли во втором чтении — и пусть подготовятся к третьему чтению, в соответствии с Регламентом, вынесут его, и проголосуем за него в третьем чтении.

Председательствующий. Спасибо.

Владимир Ростиславович, я думаю, в следующую среду (не так уж долго осталось ждать — одна неделя) вы поставите на третье чтение, и мы быстренько закончим принятие законопроекта. С этим соглашается большинство депутатов.

Пожалуйста, еще раз включите микрофон депутату Пашуто.

Пашуто В. Р. Спасибо.

Дело вот в чем. Мы с вами сейчас находимся на пороге рассмотрения бюджета 2001 года. Этот закон по ликвидации химоружия действительно затратный, и нам необходимо работать, вносить уже и изменения. Чем дольше мы это будем оттягивать... Ну, нужды нет. То, что депутат Райков предложил, — я ведь понимаю, это тоже ведь не его личная проблема и в данном случае не моя личная проблема. Мы говорим о том, что этот законопроект готов, прошел уже все необходимые процедуры и готов для того, чтобы его принять в третьем чтении. Вот ведь почему. Тогда мы получим моральное право уже включать необходимую, так сказать, процедуру для внесения изменения в бюджет 2001 года.

Председательствующий. Владимир Ростиславович, есть компромиссное решение. 6 октября у нас есть "час голосования". Подготовьте постановление о принятии законопроекта в третьем чтении, он пройдет. Председатель и два члена регламентного комите-

та высказали свои предложения. Давайте считаться с этим. Спасибо.

Переходим к рассмотрению вопроса 12: о проекте федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий". С докладом выступает депутат Государственной Думы Юлий Андреевич Рыбаков.

Пожалуйста.

Рыбаков Ю. А., *фракция "Союз Правых Сил".*

Уважаемые коллеги! Девять лет назад Верховный Совет Российской Федерации принял закон о восстановлении прав жертв политических репрессий. Это было непростое, мужественное решение. Оно было вызвано желанием восстановить справедливость и хотя бы в какой-то мере компенсировать лишения и страдания, которые выпали на долю тех, кого подкосил террор 30 — 40-х годов.

При подготовке закона на запросы Верховного Совета Министерство внутренних дел и прокуратура дали тогда подробную справку о том, сколько человек было репрессировано по классовым и политическим мотивам. В сумме получилось, что расстреляно, отправлено на каторгу, раскулачено, выслано или сослано, лишено имущества и всех прав 50 114 267 человек. Грубо говоря, режим тех лет посчитал каждого третьего жителя страны врагом.

Если мы попробуем понять, кто же были эти так называемые враги, обнаружится чудовищная несправедливость. В своем подавляющем большинстве это были сторонники советской власти, те, кто был наиболее предан идеям строительства коммунизма. Но именно поэтому, в силу своей воодушевленности, подчас таланта или хотя бы неординарности, они были главными объектами террора.

Хорошо известно и то, что репрессиям были подвергнуты 60 процентов командирского состава Красной Армии и по меньшей мере половину репрессированных составили крепкие крестьяне, вся вина которых была в том, что своим трудом они кормили Россию.

При анализе численных данных становилось понятно, что количество тех, кто может получить право, кто обратится за правом на социальные льготы, будет велико. Однако было желание очиститься от кровавой скверны, и, несмотря на пустые закрома и оставшиеся от Советского Союза долги, народные депутаты приняли закон. В нем были определены две категории: реабилитированные жертвы, то есть те, кто по решению судебных и внесудебных органов приговаривался к тем или иным мерам политических репрессий, и вторая категория — пострадавшие, то есть родственники этих жертв. Власть не принимала в их адрес отдельных, персональных репрессивных решений, но судьба расстрелянных или отправленных в лагеря родственников прямо ущемляла их в правах и возможностях, лишала их социальной защищенности и переводила их в категорию изгоев.

Первой категории закон дал право на материальные компенсации за годы лагерей, возвращение имущества и жилья, бесплатную установку телефона, бесплатную инвалидную коляску, бесплатный проезд в общественном транспорте и еще в железнодорожном вагоне по просторам нашей Родины один раз в год. Вторая категория получила 50-процентную скидку на оплату коммунальных услуг и приобретение лекарств, да и то лишь по достижении пенсионного возраста.

За получением всех этих льгот обратились вовсе не десятки миллионов людей, а всего лишь 1 процент от репрессированных. В течение девяти лет за получением статуса обратились лишь 300 тысяч реабилитированных и столько же пострадавших. Впрочем, это понятно: из 50 миллионов треть умерли в лагерях, еще столько же унесли войны, болезни и старость, многие по неграмотности просто не знали, как получить свой статус, а некоторые из них просто боялись качать права.

Практика применения закона за прошедшие годы показала ряд его слабых мест. Об этом говорили многочисленные обращения граждан, замечания органов социальной защиты и Генеральной прокуратуры. Так, устарел понятийный аппарат, стали несостоятельными отдельные формы социальной помощи. Оказалось, что основания для отказа в получении статуса для лиц, служивших в гитлеровских армиях, были сформулированы недостаточно жестко.

Наибольшую критику вызывало в законе то, что в категорию жертв не попали дети, родившиеся в лагерях, поселениях или тюрьмах или попавшие туда вместе с репрессированными родителями, а также то, что дети, оставшиеся на воле, но без попечения одного или обоих родителей, в лучшем случае считались пострадавшими, что на самом деле почти не меняло их статуса. А ведь сыновья и дочери так называемых врагов народа, среди которых были дети маршалов Тухачевского и Блюхера, певицы Руслановой, внуки академика Вавилова, адмирала Кузнецова, а также дети, сыновья и дочери, миллионов безвестных рабочих и крестьян, на самом деле были настоящими жертвами террора.

Спецприемники НКВД, детские дома за колючей проволокой, клеймо, поставленное на них бездушной машиной репрессий, уродовали всю их жизнь. В результате обращений этих граждан в Конституционный Суд дети, попавшие с родителями в лагеря, были признаны жертвами. Параллельно с этим решением Конституционный Суд своим определением от 18 апреля 2000 года указал Государственной Думе на необходимость придания статуса жертв всем детям, оставшимся без попечения родителей в результате политических репрессий.

Наш закон направлен на исправление и совершенствование закона именно в этом направлении.

Необходимость повышения социального статуса детей — жертв политических репрессий признана также и Верховным Судом, рассмотревшим дело о признании за господином Бернакевичем, который после расстрела его отца — партийного деятеля — и заключения матери его, как жены врага народа, в лагерь попал в специальный детский дом. Верховный Суд утвердил за ним право на статус жертвы, утвердил решение суда в пользу заявителя.

Таким образом, можно сказать, что этот спор уже решен в пользу детей. Это признано также и Генпрокурором Устиновым, еще 13 марта обратившимся к Председателю Государственной Думы с просьбой об ускорении нашего законодательного решения.

Генеральный прокурор пишет нам, что пострадавшие имеют пока возможность улучшить свой статус только через суд. Положительный результат их обращения суд обеспечит решениями Конституционного Суда и Верховного Суда. Прецедент создан. Но на практике это означает, что наши суды, которые и так завалены делами, получат тысячи обращений, которых можно было бы избежать, приняв соответствующую поправку в закон.

Мы предлагаем наиболее упрощенный вариант решения этой задачи. Те пострадавшие, которые обращаются к нам, желая сегодня изменения своего положения, делают это не ради формального статуса, а ради той социальной помощи, которую ждут от государства. Именно эту помощь мы и предлагаем узаконить, не меняя пока статус. Мы предлагаем уравнять жертв и пострадавших в социальной помощи, которая совпадает с льготами ветеранов, принимая во внимание, что бывшим детям репрессированных сегодня по 60 лет, бóльшую часть которых они, как и все советские люди, отработали на государство. Эта мера заботы с учетом перенесенных лишений кажется нам справедливой и заслуженной.

Помимо этого, наш законопроект ужесточает ограничения для получения статуса жертвы. Если действующий закон отказывает в статусе лишь тем, кто запятнал себя службой в карательных подразделениях гитлеровских войск, мы предлагаем ввести запрет на получение статуса еще и теми, кто служил в трудовых и прочих оккупационных армиях.

Нами обновлен также понятийный аппарат закона.

Однако Правительство, проигнорировав решение Конституционного Суда, не поддерживает наш законопроект, мотивируя это тем, что его реализация якобы требует дополнительных средств. Мы же убеждены в обратном. Общее количество лиц, получивших по действующему закону статус первой и второй категории, на самом деле давно уже не составляет отчетных 600 тысяч, оно сократилось почти наполовину. Из 300 тысяч реабилитированных жертв политических репрессий в живых остались сегодня от силы десяток тысяч людей, а может быть, и того меньше. Это очевидно, ведь тем, кто в среднестатистическом совершеннолетнем возрасте подвергся репрессиям 30-х годов, сегодня должно быть 80, 90, а то и за 100 лет. Понятно, что на самом деле эти люди, к сожалению, давно уже в могиле. Поэтому те средства, которые выделяет федеральный бюджет на действующий закон, используются по назначению лишь наполовину, остальное регионы тратят произвольно по своему усмотрению. Меры, которые мы предлагаем, позволят решить задачу, поставленную перед нами Конституционным Судом и Верховным Судом, без рассмотрения каждого отдельного дела в суде, без дополнительных расходов.

Процесс подготовки законопроекта, а он затянулся на годы, лишний раз убедил нас в том, что дети жертв политических репрессий не только были, но и сегодня являются жертвами того так и не закончившегося террора. Мы столкнулись с открытой политической враждебностью тех, кто и сегодня готов начать охоту не только на бывших политзеков, но на их потомков. Мы увидели откровенное нежелание разбираться в наших предложениях. Правительство явно не читало наших предложений. Иначе не возникла бы мотивировка о мнимом расширении категории лиц, признанных жертвами политических репрессий, ведь мы этого и не предлагаем.

Ну, а Комитет по труду и социальной политике на своем заседании не пожелал даже дослушать нашу аргументацию и проголосовал против проекта, в том числе голосами отсутствовавших тогда депутатов.

Нам приходилось слышать слова и о том, что враги народа, которые якобы развалили Советский Союз, не заслуживают внимания и помощи. И это несмотря на то, что, как уже говорилось, речь идет как раз не о противниках советского строя (они были уничтожены в 20-е годы), а о наиболее ярких и трудолюбивых сторонниках и детях тех коммунистов и беспартийных 30-х годов, которые заплатили жизнью и страданиями близких за свою веру.

Государственная Дума, в которой, мне хочется думать, большинство составляют порядочные и неравнодушные люди, сделает справедливый и мудрый шаг, пойдя навстречу старикам, чья жизнь помимо всех наших общих, общенародных невзгод была еще в детстве искалечена не чужим, а своим государством.

Естественно, авторы готовы к работе над поправками и предложениями к законопроекту во втором чтении.

Спасибо за внимание.

Председательствующий. Спасибо.

Уважаемые депутаты, если есть вопросы к докладчику, я прошу вас записаться на вопросы.

Пожалуйста, включите режим записи.

Чилингаров А. Н. У нас есть содокладчик.

Председательствующий. Простите, пожалуйста, меня отвлекли немного.

Пётр Петрович Рогонов. И потом мы пойдем по списочку тех, кто у нас записался на выступления.

Списочек передайте в президиум.

С содокладом выступает Пётр Петрович Рогонов.

Рогонов П. П., *фракция Коммунистической партии Российской Федерации.*

Уважаемая Любовь Константиновна, уважаемые депутаты! Комитет по труду и социальной политике рассмотрел проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий", внесенный депутатами Государственной Думы Игруновым и Рыбаковым. Комитет решил.

Первое. Рекомендовать Государственной Думе отклонить в первом чтении проект федерального закона (я не буду повторять его название). Мотив нашего решения. Законопроектом предлагается значительно расширить круг лиц, пострадавших от политических репрессий. К числу пострадавших от политических репрессий нормами данного закона будут отнесены дети, супруги, родители лиц, репрессированных по политическим мотивам, что даст возможность первым двум категориям граждан получить статус пострадавших от политических репрессий, хотя бы они и не имели никакого отношения к жертвам на момент применения к ним мер политических репрессий.

Предложенный законопроект также содержит положения, относящиеся к уточнениям в норме, касаю-

щиеся определения категорий жертв и пострадавших от политических репрессий, расширяющие понятие "политические репрессии", а также уточняющие порядок реабилитации, что ведет к увеличению числа граждан, которые будут отнесены к вот этим категориям. Законопроектом предполагается не только значительно расширить категории лиц, на которых распространяются положения действующего закона, но и уравнять в правах и льготах пострадавших от политических репрессий с жертвами политических репрессий, а это не одно и то же.

В соответствии с решением Совета Государственной Думы данный законопроект направлялся для рассмотрения в комитеты, Правительство, Правовое управление, Президенту и так далее. Имеются отзывы, в частности, много замечаний в заключении Правового управления. Отмечается, что отдельные нормы, предлагаемые данным законопроектом, создают дополнительные сложности для правоприменителя, а также предоставляют возможность для внесудебного пересмотра приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам. В предлагаемой редакции законопроекта отдельные нормы дублируются, тексты некоторых норм не дают возможности их однозначного толкования.

Мы согласны (мы – я имею в виду членов комитета) в своем большинстве с заключением Правительства Российской Федерации, в котором отмечается, что в связи с нечеткой редакцией ряда статей и отсутствием точной информации о численности граждан, на которых будет распространен данный законопроект, не представляется возможным дать финансово-экономическую оценку дополнительных расходов федерального бюджета и оценить социальные последствия принятого решения.

Кстати говоря, мы в комитете одному из авторов задали вопрос: о каком количестве лиц идет речь? И вот автор утверждал (я лично не согласен с таким утверждением, не знаю, откуда такая цифра), что у нас где-то 57 миллионов реабилитированных. Ну, если взять еще их детей, жен, супругов, родителей, то выходит миллионов триста. У нас и населения такого не было в России.

Правительство Российской Федерации считает также, и мы в комитете с этим согласны, что уравнивание в правах и льготах реабилитированных граждан и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, как это предусмотрено в данном законопроекте, не только приведет к росту социальной напряженности в среде лиц, являющихся жертвами политических репрессий, но и потребует значительных затрат на его реализацию. Как вам известно (у вас документы есть), Правительство не поддерживает данный законопроект, комитет наш тоже предлагает отклонить данный законопроект в первом чтении.

Председательствующий. Спасибо, Пётр Петрович.

Уважаемые депутаты, на вопросы записались 10 человек. У нас осталось ровно шесть минут. Я прошу Дорогина задать первый вопрос.

Дорогин В. Ф., *депутатская группа "Регионы России (Союз независимых депутатов)".*

У меня вопрос к выступавшему Рыбакову. Откуда, из каких источников он взял цифру 50 миллионов?

Председательствующий. Рыбакову включите микрофон.

Рыбаков Ю. А. Я уже ответил и еще раз повторю: на запрос Верховного Совета в 1990 году МВД и прокуратура выдали толстый том справок из каждого района, города, области, села и районного центра, сколько было репрессировано людей. В сумме там и получилась та цифра, которую я назвал, – 50 миллионов человек репрессированных. Но, подчеркиваю, не реабилитированных, а репрессированных, это разные вещи. Просто, к сожалению, докладчик, который выступал до меня, даже не слушал моего выступления.

Председательствующий. Депутат Сафронов, ваш вопрос.

Романов В. С. По карточке Сафронова – депутат Романов.

Вопрос тоже к уважаемому Юлию Андреевичу. Конечно, репрессии – это трагедия. Кто сегодня может это отрицать? Так же, как трагедия то, что сейчас мы потеряли 8 миллионов человек при разгуле демократии. Я хотел бы напомнить, что в выводах комиссии, которую возглавлял последовательный борец за права человека господин Яковлев, утверждалась цифра 4 миллиона. Историческая правда сурова, но она должна быть правдой.

Председательствующий. Депутат Смолин, ваш вопрос... А, ответьте, пожалуйста, депутат Рыбаков.

Рыбаков Ю. А. Что я могу сказать? Яковлев, может быть, называл свои цифры. Я называю те цифры, которые дали наши правоохранительные органы. Что я еще могу сказать? Не нравится вам это, но, к сожалению, это факт.

Председательствующий. Депутат Смолин, ваш вопрос, пожалуйста.

Смолин О. Н., *Агропромышленная депутатская группа.*

Уважаемый Юлий Андреевич, уважаемые коллеги! Сегодня, 4 октября, годовщина расстрела российского парламента в 1993 году, и, как невольный участник этих событий, я не могу не задать вопрос. Если закон будет принят в первом чтении, готовы ли вы ко второму чтению рассматривать поправки, устанавливающие права жертв политических репрессий для тех, кто погиб при расстреле российского парламента в 1993 году? Официальные данные говорят о том, что их по крайней мере 146 человек, неофициальные данные говорят, что их гораздо больше. Мне кажется, что вне зависимости от того, кто производил политические репрессии, жертвы должны получить одинаковые права.

Председательствующий. Депутат Рыбаков, пожалуйста.

Рыбаков Ю. А. Я совершенно с вами согласен. Эти люди, конечно, должны получить статус жертвы политических репрессий, ибо, будучи обмануты депутатами, которые призвали их на свою защиту, а потом сбежали из Белого дома, они действительно стали